

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В БЕЛАРУСИ

В начале 1990-х гг. усложнилась конфессиональная структура белорусского общества, значительно возросла его динамика как прямое следствие либерализации общественно-политической жизни. Огромные изменения произошли в экономике; развитие новых экономических отношений, возрастание напряженности политической борьбы нашли свое отражение и в духовной сфере. Отказ правящей политической элиты от атеистической по своему содержанию коммунистической идеологии актуализировал проблему реанимации религии, катализировал процесс обращения различных слоев общества к религиозным ценностям. В религиозном утешении стали остро нуждаться не только отдельные индивиды, но и социальные общности в целом. Быстрый успех религиозной пропаганды и увеличение числа религиозных организаций свидетельствовали о коренной ломке общественного сознания, идеологических стереотипов, сформировавшихся в советский период белорусской истории.

Первоначально, в ходе разрушения советской социальной организации, в общественных настроениях возобладали идеи либерализма, в том числе идея самоустранения государства от любых форм контроля над религиозной сферой жизни граждан, невмешательства во внутренние дела религиозных общностей и институтов. В новых исторических условиях религиозно-политическое взаимодействие основывалось на либеральном Законе Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях», принятом Верховным Советом в 1992 г. Следуя букве и духу закона, государство фактически отказывалось от регулирования конфессиональных процессов, заняв позицию стороннего наблюдателя. Установившийся конфессиональный плюрализм рассматривался в качестве важнейшего достижения демократии и наличия гражданского общества.

Конфессиональная структура общества формировалась стихийно, под мощным воздействием внешних политических и религиозных факторов. Резко возросла роль религиозных институтов как исторических для Беларуси христианских религий – православия и католицизма, так и новых религиозных движений («неокультов»), различных направлений позднего протестантизма – пятидесятников, баптистов, адвентистов, иеговистов и др. Между ними развернулось острое соперничество за влияние на общественное сознание и институты общества, в особенности – на государство. Если в начале 1990-х гг. стартовые возможности у религиозных организаций были практически одинаковы, то к середине 1990-х гг. лидерами конфессионального роста стали протестанты и новые религиозные движения. В перспективе это означало не только формальное изменение конфессиональной ситуации в Беларуси, исторически понимавшееся как доминирование в религиозной жизни народа только двух христианских конфессий – православия и католицизма, но и переформатирование национального менталитета, смену геополитических ориентиров. Итоги первой пятилетки независимости Беларуси показали, что Белорусская православная церковь (БПЦ) оказалась не готова к честной конкурентной борьбе за сознание масс и над ней нависла угроза постепенного вытеснения на периферию религиозной жизни. Политическая же элита в Беларуси, стремясь интегрироваться в европейское пространство, традиционно формировавшееся под идейным воздействием католицизма и протестантизма, спокойно воспринимала складывающуюся конфессиональную ситуацию, полагая неизбежным процесс усиления позиций протестантизма, католицизма и новых религиозных движений. У БПЦ не оставалось иного пути, как только пойти на союз с государством в целях обеспечения своих конфессиональных интересов. В историческом прошлом поддержка государства позволяла православной церкви сохранять влияние в обществе. Государство также было заинтересовано в использовании церкви в качестве инструмента идеологической обработки общественного сознания.

В середине 1990-х гг. в Беларуси начала складываться благоприятная для БПЦ общественно-политическая ситуация. Между Верховным Советом Республики Беларусь и Президентом обострилась борьба за политическую власть. В этом внутривластном конфликте иерархи православной церкви поддержали Президента. Референдум 24 ноября 1996 г. стал важной вехой в развитии белорусского государства, изменив политическую систему, конституционный строй. От власти была отрешена либеральная политическая элита, покровительствующая католикам, протестантам и новым религиозным движениям. Одержав верх над парламентом, Президент начал выстраивать новую систему социально-политических и экономических отношений,

уделяя значительное внимание конфессиональным вопросам. Усиление института государственной власти, начавшееся во второй половине 1990-х гг., сопровождалось поступательным наступлением на институты общества, в том числе и на религиозные, которые были поставлены перед выбором – признать произошедшие политические изменения, легитимировать их, получив соответствующие преференции от государства, либо следовать прежнему курсу и оказаться со временем на положении религиозных диссидентов.

В первые годы после референдума 1996 г. государство еще не определилось в выборе конфессиональных партнеров. На роль таковых претендовала не только БПЦ, но и протестанты, в частности, пятидесятники и баптисты, питавшие иллюзии возможного получения поддержки своим социальным и религиозным инициативам со стороны властей. Однако социальное партнерство государства и протестантов было невозможно в конкретных исторических условиях ввиду следующих причин:

- неоднородности позднего протестантизма;
- политической амбициозности отдельных религиозных лидеров и их опрометчивых заявлений о необходимости построения теократического государства, демонстративной поддержки политических оппонентов Президента Республики Беларусь;
- тесной связи с европейскими, американскими и корейскими религиозными центрами, активной миссионерской деятельности без учета существующих религиозных традиций;
- публичной критики православия и католицизма, а также советской истории Беларуси.

К тому же заигрывания протестантов с властями настораживали православных иерархов, которые воспринимали пятидесятничество и баптизм в качестве «христианского сектантства».

Чтобы снизить религиозную и социальную активность протестантов, государство развернуло в средствах массовой информации широкую пропагандистскую кампанию, направленную против них. Публикации в «Народной газете», анонимный фильм «Экспансия», серия телевизионных передач «Права человека: взгляд в мир» и др. раскрывали политическую составляющую религиозной деятельности организаций позднего протестантизма, несовместимость распространяемой религиозной идеологии с духовными традициями белорусского народа. Заметную роль в обеспечении средств массовой информации материалами критического содержания сыграли антикультовые организации – общественная организация «Озон» и созданный в 1997 г. информационно-консультативный центр во имя преподобного Иосифа Волоцкого при Белорусском экзархате.

В результате пропагандистских мероприятий протестанты были дискредитированы, а единственным претендентом на социальное партнерство

осталась БПЦ. Как и следовало ожидать, выбор государства был predetermined исторически. Религиозный фактор всегда использовался во внутренней политике для легитимации того или иного политического режима. Однако для придания православию статуса фактически государственной религии требовалось изменить нормативно-правовую базу, регулировавшую государственно-конфессиональные отношения. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1996 г., когда по инициативе БПЦ в Конституцию Республики Беларусь была внесена новая редакция статьи 16. В дальнейшем было принято ряд нормативных документов, существенно ограничивавших деятельность иностранных миссионеров, а также блокировавших процедуру легитимации новых религиозных движений.

В 2002 г. после жестких дискуссий Национальным Собранием был принят, а Президентом Республики Беларусь подписан новый Закон «О свободе совести и религиозных организациях», который, по существу дела, ранжировал все религиозные институты в зависимости от проведения ими политики, отвечающей интересам властей. Преамбулой Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» фиксировалось признание «определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа», «духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси» и «неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама». Что же касается протестантов, то в целях снятия политической напряженности процедура перерегистрации религиозных организаций и объединений была де-факто упрощена. В период с 2002 по 2004 гг. все религиозные объединения раннего и позднего протестантизма были перерегистрированы, в том числе религиозные институты пятидесятников, неопятидесятников, баптистов, адвентистов, иеговистов и др. Прошли перерегистрацию даже те объединения, которые не имели для этого достаточного числа религиозных общин, например, Союз евангелическо-лютеранских общин в Республике Беларусь. Однако с этого времени формирование конфессиональной структуры общества было взято под жесткий контроль государства, которое выстраивает ее исходя из своих собственных интересов.

Для государства религия является важным инструментом социального манипулирования. В новых условиях поддержка властями православной церкви стала неизбежной. Поэтому в 2003–2004 гг. с БПЦ были подписаны соглашения о сотрудничестве практически во всех сферах общественной жизни. На церковные нужды стали выделяться значительные финансовые средства. Государством на республиканском и местном уровне проявляется забота об улучшении материального благополучия православной церкви

и увеличении числа верующих. Государственными средствами массовой информации целенаправленно и систематически формируется в общественном сознании своеобразный лубочный образ церкви, ничего общего не имеющий с реальностью. Православие идеализируется, по конъюнктурным соображениям фальсифицируется его история и искажается сущность. Оно преподносится как единственно верное христианское учение, источник общественной морали, своеобразный гарант конфессионального мира и согласия. Этот процесс объективно выгоден политической элите, поскольку позволяет частично сгладить нарастающие в обществе противоречия. В поиске религиозного утешения от безысходности люди обращаются в религиозные институты, следовательно, контроль над ними входит в сферу государственных интересов. В свою очередь, вступив в союз с государством, православная церковь стремится с его помощью хотя бы частично установить духовный контроль над обществом и теоретически это возможно, ввиду наличия программ сотрудничества.

По своей форме и содержанию альянс церкви и государства в настоящее время напоминает модель религиозно-политического взаимодействия, существовавшую до октября 1917 г. в России, в которой церкви отводилась роль главного идеолога, формировавшего общественное сознание.